

Л.Н.Сумарокова, А.И.Уемов

СУМАРОКОВА Людмила Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Одесского университета. Область научных интересов — философские проблемы анализа языка. Автор ряда статей по данной проблематике, опубликованных в научных сборниках и журналах. В нашем журнале выступает впервые.

УЕМОВ Авенир Иванович — доктор философских наук, заведующий отделом Одесского отделения Института экономики АН УССР. Область научных интересов — логика и методология науки. Автор таких книг, как "Логические основы метода моделирования" (М., 1971), "Принцип простоты и меры сложности" (М., 1989. — В соавт.) и др. Один из постоянных авторов нашего журнала

Демократическая революция
и новый стиль мышления

Процесс демократизации нашего общества, начавшийся в 1985 году, довольно быстро стал связываться с феноменом, получившим название "новое мышление". Этому феномену была посвящена

© Л.Н.Сумарокова, А.И.Уемов, 1991

широко известная книга М.С.Горбачева¹. О нем шла речь на всеобщей конференции философов, прошедшей осенью 1989 г. в Киеве². Появилось и довольно много публикаций (к этому мы еще не раз вернемся в этой статье).

В ходе дискуссий были предложены различные трактовки “нового мышления”. Давая ответы на некоторые вопросы, они, однако, порождали и новые проблемы. Прежде всего нужно определить, что имеется в виду, когда “новое мышление” противопоставляется старому. Идет ли речь лишь о содержательной стороне мышления — об отказе от устаревших положений и выработке новой конкретной политической доктрины? Некоторые на этот вопрос отвечают по существу утвердительно. Так, например, в совместном франко-советском издании Ж.Бинде пишет: “Что такое “новое мышление”? В узком смысле слова это советская доктрина международных отношений, изложенная М.Горбачевым во второй части книги “Перестройка”. В более широком смысле речь идет о глобальной концепции перестройки и новой внешней политики Советского Союза”³.

Наши авторы в оценке нового мышления обычно настроены более радикально. Кое-кто говорит не только о новых концепциях, но и о новой логике. “Учитывая то, что, начиная с XXVII съезда КПСС речь идет о новом мышлении в связи не только с одной проблемой (выживанием человечества в ядерной войне), а со всеми важнейшими проблемами нашего времени, а также то, что новое мышление сегодня провозглашается не только в одной форме (политическое мышление), а как новое мышление вообще (и экономическое, и экологическое, и мышление в области управления общественными процессами, в том числе перестроечными), нельзя не задуматься и над его *логическими основами*. Само собой разумеется, что если новое мышление связано с изменениями логического характера, то эти изменения относятся не к формальной логике, а к диалектической”⁴.

В связи со сказанным естественно возникает вопрос. Появление диалектической логики связано с работами Гегеля, созданными более чем полтора века назад. Означает ли новое мышление возврат к Гегелю, в противоположность старому мышлению, которое представляет собой отход от Гегеля? Или же речь идет о том, что именно у нас диалектическая логика получила такое развитие, что стала логической основой всех тех изменений в сфере политического,

¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М., 1987.

² Подробнее см.: Табачковский В.Г. Честь доктрины или будущее страны? // Коммунист Украины. — 1990. — № 9. — С. 26 — 35.

³ Новое мышление // Опыт словаря нового мышления. — М., 1989. — С. 102.

⁴ Диалектическая сущность нового мышления. — М., 1990. — С. 42.

экономического, экологического и т.д. мышления, которые связаны с перестроечными процессами?

Нет спору, после 1917 года развитию диалектической логики в нашей стране уделялось первоочередное внимание. Можно перечислить десятки объемистых монографий, не говоря уже о сотнях статей, посвященных диалектической логике. Неоднократно объявлялось, что диалектическая логика в научном и политическом мышлении вытеснила формальную логику, оставив последней в лучшем случае сферу домашнего обихода. Однако в работах по диалектической логике прослеживалась одна очень интересная закономерность науковедческого характера. Каждый из многочисленных творцов ее на протяжении десятков лет опирался на труды Гегеля, классиков марксизма, классиков науки и свои собственные. Труды других специалистов по диалектической логике если и упоминались, то, как правило, лишь для критики, объясняющей те или иные неудачи этого научного направления. Кстати, это имеет место и в только что процитированной книге. Здесь нет ссылок ни на одного автора, который бы ранее выступал от имени диалектической логики. Читаем: “Та форма диалектической логики, которую ей придали некоторые философы в СССР, вызвала к ней негативное отношение не только западных ученых, но и некоторых философов нашей страны”¹.

О чем может говорить такая закономерность? Только о том, что диалектической логики как самостоятельного научного направления, способного к саморазвитию, не существует. Нет эффекта накопления полученных результатов. Каждый из наших логиков такого рода начинает с того же, с чего начинал его предшественник. Поэтому в теоретическом плане нет существенного различия, возьмем ли мы работы по диалектической логике 80-х, 60-х, 50-х, 30-х или же 20-х годов. Последние (то есть по времени издания — первые²), на наш взгляд, будут иметь даже некоторые преимущества. Поэтому нет необходимости вникать во все варианты сложного категориального аппарата диалектической логики, чтобы разобраться в ее применении к анализу нового мышления. Для этого вполне достаточно знания того, что написано по крайней мере до 1923 года и прежде всего — основных законов диалектики.

Важнейшая из категорий диалектической логики, по мнению авторов упомянутой монографии, совершенно недоступная формальной логике, — категория перехода — не формального, а реального. Что же это такое? Разъяснение этой категории дается с помощью цитаты из В.И.Ленина, который, говоря о переходе применительно

¹ Там же. — С. 43.

² См., например: Варьяш А. Логика и диалектика. — М.; Л., 1928.

к экономике, отмечает, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма¹. Со ссылкой на последние достижения диалектической логики этот пример обобщается следующим образом: "...в диалектической логике реальный переход воспроизводится с помощью принципа опосредования, который заключается в анализе и включении в познаваемую связь качественно отличных друг от друга промежуточных звеньев, расположенных в строго определенной последовательности"². Отсюда делается вывод: понимание того, что процесс проходит через промежуточные состояния, где есть кусочки "старого" и "нового", было чуждо мышлению прошлого века³. Чуждо это понимание было и организаторам коллективизации сельского хозяйства конца 20-х — начала 30-х годов, ибо они перескакивали через промежуточные этапы⁴.

Новое мышление, таким образом, связывается с возвращением к В.И.Ленину, с осознанием того, что необходимы промежуточные этапы. Какие именно — не разъясняется. Можно предполагать, что речь идет о качественно различных звеньях, расположенных в определенной последовательности, например, — обобществление лошадей, только затем — коров, только затем — коз, гусей, уток и т.д. Здесь почему-то вспоминается история о том, как жалостливая дама отрубала хвост у своей собаки постепенно, "в строго определенной последовательности". Не хотелось бы в этом видеть пример владения диалектической логики и новым мышлением.

Новое мышление не годилось бы для всего мира, если бы оно хоть в какой-то мере не было присуще также и представителям "буржуазной идеологии". Обнаружено, что "буржуазная идеология сегодня также основана на мышлении, имеющем в качестве доминирующей логической категории категорию перехода"⁵. Отметим: получается, что, если категория перехода чужда формальной логике, то и "буржуазное" (не только наше) мышление выходит за рамки формальной логики. Но тогда трудно ожидать, что удастся достичь взаимопонимания в международном масштабе, так как именно формальная, а не диалектическая логика предполагается во всех международных документах. Таким образом, придется признать, что новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира, о котором говорится в известной книге М.С.Горбачева, фатально обречено на неудачу.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 271 — 272.

² Диалектическая сущность нового мышления. — С. 49.

³ Там же. — С. 51.

⁴ Там же. — С. 50.

⁵ Там же. — С. 56.

Остается надежда лишь на то, что "буржуазные идеологи" категорию "переход" понимают неправильно, чисто количественно и, значит, отступая от диалектики, допускают формальную логику: "если и происходит некоторое сближение в мышлении, то только в том отношении, что буржуазный идеолог на Западе, оперируя категорией количественного перехода, понимает его только как технологическую перестройку экономики и компьютеризацию всей общественной жизни"¹.

Сказанного и процитированного вполне достаточно для того, чтобы усомниться в успешности предпринятой нашими философами попытки объяснить сущность и необходимость нового мышления с позиций диалектической логики.

Существенно иной способ решения поставленной задачи связан с выдвиганием на первый план проблемы человека. Как отметил В.Н.Сагатовский, "новое мышление, реализующееся в конструктивном диалоге культур, предполагает прежде всего гуманистическую установку на признание самоценности человека — не только отдельной личности, но и коллективных человеческих целостностей, их диалектическое взаимодействие"².

Такая установка означает выдвигание на первый план гуманитарного стиля мышления, который так или иначе противопоставляется естественно-научному стилю мышления, безраздельное господство которого связано с принижением роли человека, с невниманием к "человеческому фактору".

Само понятие стиля мышления достаточно широко используется в нашей философской литературе начиная с 70-х годов. Именно тогда выходит ряд работ, посвященных стилю мышления в науке — по преимуществу, в естествознании, — выполненных в русле методологических исследований³. Постепенно содержание этого понятия расширяется; стиль мышления трактуется как совокупность ценностных установок, предпосылок, норм, образцов, методов, навыков мышления и т.п. — всего того, что характеризует мышление со стороны его связи с конкретно-историческими условиями научного познания, с характером решаемых задач, а также со стороны его эффективности⁴.

¹ Там же. — С. 57.

² Подробнее см.: Табачковский В.Г. Честь доктрины или будущее страны? — С. 31.

³ См., например: Сачков Ю.В. Проблема стиля мышления в естествознании // Философия и естествознание. — М., 1974. — С. 62 — 78; Новик И.Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. — М., 1975.

⁴ См., например: Идеалы и нормы научного исследования. — Минск, 1981; Парахонский Б.А. Стиль мышления. Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. — Киев, 1982.

Для того чтобы адекватно определить стиль мышления или решать вопрос о его выборе, необходимо иметь типологию этих стилей. Такая типология возникает шаг за шагом на основе анализа стилей, противоположных в том или ином отношении. Обычно наибольшее значение придается противоположности естественно-научного и гуманитарного стилей мышления. Правда, не всегда эта противоположность осознается как противоположность именно стилей мышления. Иногда говорят просто о гуманитарном и естественно-научном мышлении, относя многообразие стилей внутрь гуманитарного или естественно-научного мышления. Однако при достаточно широком понимании "стиля", о котором шла речь выше, несомненно, что в данном случае мы имеем противоположность стилей как типов, "образцов" мышления. Она связывается с противопоставлением типов знаний.

В качестве одного из признаков, по которому усматривается антитеза между гуманитарным и естественно-научным знанием, берется их различная направленность: либо преимущественно на объективные законы (естествознание), либо на рассмотрение человека как личности, носителя индивидуального, на преимущественное внимание к мотивационным, ценностно-смысловым аспектам "фона личности" (гуманитарное знание)¹.

Однако сама по себе соотнесенность знания с законами либо с ценностями не раскрывает еще специфики мышления ученого. Так, Х.-Г. Гадамер констатирует, что "логическое самосознание гуманитарных наук, сопровождавшее в XIX веке их фактическое формирование, полностью находится во власти образца естественных наук" и что этому не мешает "призвук идеализма, заложенный в понятии духа и науки о духе"². В настоящее время разделить науки по этому основанию не менее затруднительно. Например, возрастание роли личностных свойств человека в современном общественном развитии может быть понято лишь на основе изучения объективных закономерностей современного этапа научно-технического прогресса, его реальных механизмов, качественно меняющих критерии общественной оценки труда человека, его поведения, образа жизни³. С другой стороны, необходимость ценностного, "судьбоносного" измерения познания и его результатов все более осознается как общая черта любой науки, а не только тех, что направлены на изучение человека.

¹ См., например: Ильин В. В. О специфике гуманитарного знания // *Вопр. философии.* — 1985. — № 7. — С. 46 — 47.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. — М., 1988. — С. 44.

³ Подробнее см.: Заславская Т. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // *Коммунист.* — 1986. — № 13. — С. 61 — 73.

Признание автономии — даже относительной — истинности и ценности знания в нынешней ситуации становится опасным. "В наши дни масштабность и острота неблагоприятных последствий любых ошибочных (с точки зрения интересов прогресса общества) решений... нередко обретают глобальный характер"; "социально-этические и гуманистические проблемы не являются чем-то *внешним*, сопутствующим поиску истины и обнаруживающим свое значение лишь в "технологическом" применении "готового" научного знания, а входят в само "тело" науки как *необходимая часть*, как "условие мыслимости" и эффективной реализации истины"¹.

Так снимаются жесткие границы между методом и ценностной ориентацией. Эта гуманизация как явно выраженная тенденция развития науки во второй половине XX века есть не столько результат влияния гуманитарных наук, сколько следствие общекультурных процессов, отражающих как объективные особенности развития общества, так и уровень его самосознания.

Не составляет специфики гуманитарного мышления и оперирование смыслами, направленность на понимание. Как отмечает М. А. Розов, "понимание... не является специфическим ни для одной области знания"². Когда же понимание становится предметом самостоятельного изучения, то в этом случае сохраняется общенаучное требование адекватности средств познания и его результатов реальным процессам и ситуациям общения и понимания.

Еще одно основание, по которому часто противопоставляются гуманитарные и естественные науки и которое ближе связано с особенностями мышления, — доля рациональных и интуитивных процедур, степень точности, в том числе формализуемости, определенности, предсказуемости результатов. Естественно-научное мышление трактуется как тяготеющее к точным, логически прозрачным методам, а гуманитарное — как гораздо менее точное, менее формализованное, менее однозначное, зато более интуитивное. Устойчивость подобных представлений поразительна, несмотря на то, что современная наука в изобилии дает факты, свидетельствующие об обратном.

Во-первых, удельный вес интуитивного мышления всегда был достаточно велик не только в гуманитарных науках, но и в естествознании, в математике, о чем свидетельствует история науки. Происходящее сейчас усиление роли содержательных, интуитивных процедур в теоретической физике и математике вызвано не столько

¹ Фролов И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. — М., 1986. — С. 5, 13.

² Розов М. А. Методологические особенности гуманитарного познания // *Проблемы гуманитарного познания.* — Новосибирск, 1986. — С. 37.

влиянием методов гуманитарных наук, сколько внутренними закономерностями развития точных наук и их взаимодействием с практикой. Так Е.Л.Фейнберг отмечает, что само развитие логизации и техники привело к взрыву, который можно назвать интеллектуальной революцией: передача все большего числа формально-логических операций компьютеру предъявляет более высокие требования к человеческому интеллекту, главным содержанием деятельности которого становятся нестандартные творческие, интуитивные, синтетические процедуры¹.

Во-вторых, современная наука знает примеры эффективного использования точных методов в гуманитарных науках: лингвистике, этнологии, семиотике, искусствоведении, социологии. Фонология, построенная с помощью структурных методов, не уступает в точности лидеру естествознания — физике.

В-третьих, отказ от жестких, однозначных схем и моделей происходит и в естественных, и в общественных науках в силу усложнения, детализации, дифференциации картины мира, соотношения ее с масштабами и целями человеческих действий, в силу углубления методологической рефлексии науки. Вряд ли правомерно в этих случаях говорить о безусловном уменьшении точности. Например, появление логических языков, ориентированных на отказ от стереотипно-множественной картины мира, на сознательное введение в число базисных отношений соотношения определенного/неопределенного, на иное, неколичественное, членение мира, не может расцениваться как отказ от логической точности. Просто точность знания должна быть релевантной изучаемой предметной области, взятой в ее целостности. Соответственно следует признать, что разные теории, разные языки могут быть охарактеризованы разными видами точности, соответствующими разным аспектам изучаемой действительности, разным взаимодействиям субъекта с ней.

Если неоднозначность, интуитивность, содержательный подход понимаются как “гуманитаризация” точных наук, а однозначность, точность, формализация в науках о человеке воспринимаются как их “дегуманизация” и “дегуманитаризация”, то это скорее дань традиционным представлениям об их изолированности. При этом часто происходит смешение качественно разных процессов, происходящих в современном научном познании.

Первый из них связан с осознанием необходимости более полного учета аксиологического аспекта научного познания, его социальной детерминации, соизмерения со всем контекстом целостной жизни

¹ Фейнберг Е.Л. Интеллектуальная революция // Вопр. философии. — 1986. — № 8. — С. 44 — 45.

человека и внутренней логики культуры, истории. Ни одна наука, ни один метод, ни один стиль современного мышления — если он действительно современен — не составляют здесь исключения, поскольку не могут быть изъяты из системы человеческой жизнедеятельности, из культуры в целом. Этот процесс может быть назван *гуманизацией* науки.

Второй процесс — рост качественного разнообразия методов, способов мышления внутри каждой науки, что позволяет более адекватно учитывать как неоднородность, сложность и динамизм самой действительности, так и неоднородность и сложность решаемых человеком практических задач. При этом усложняется и взаимодействие между методами разных наук и внутри одной науки, появляются новые формы их дифференциации и интеграции.

Ни тот, ни другой процесс не ведут к какому-либо противопоставлению естественных и гуманитарных наук. Напротив, они свидетельствуют об их сближении. *Адекватность* и *конструктивность*, *осуществимость* должны стать критерием научной точности, независимо от того, о какой сфере знания идет речь.

Одним из главных недостатков старых демаркаций является молчаливое признание качественной однородности методов исследования в одной науке или группе смежных наук. Однако это не так. Некоторые связи в мире природы могут оказаться гораздо более сложными, трудно прогнозируемыми и формализуемыми, чем в сфере значений и личностных смыслов, а, скажем, целевая детерминация может быть хорошо структурируемой и предсказуемой не в меньшей мере, чем каузальная. Неоднородность предметной области естествознания отражается, в частности, в различной степени использования точных методов в разных дисциплинах.

В огромном потоке литературы по философским вопросам естествознания отчетливо обнаруживаются “острова” исследований, посвященных философским вопросам физики, философским вопросам химии, геологии, биологии и т.д., но практически не заметно работ, обсуждающих проблемы, общие для всего естествознания, отражающих стиль мышления естествознания как относительно самостоятельной области познания. Обычно речь идет или об общенаучных методологических вопросах, или о методологии отдельных наук. То же можно сказать и о гуманитарной области: нет философских вопросов гуманитарных наук, а есть либо общеметодологические вопросы, либо философские вопросы истории, языкознания, литературоведения и т.д. С другой стороны, не существует ни одной проблемы гуманитарных наук, которая не имела бы смысла при решении хотя бы некоторых задач в естествознании.

В своем хотя бы относительно “чистом” виде представление о естественно-научном и гуманитарном стилях мышления — это абстракция, отражающая односторонность методологического мышления, ведущую к диспропорциям, искажениям, упрощающим реальные различия и сходства в познании, в мышлении.

В сфере управления социально-экономическими процессами есть специальный термин для обозначения такого рода односторонности. Мы говорим в этом случае о *технократическом* подходе к управлению. Вред технократизма, связанного в конечном счете с пренебрежением к человеку, к личности, к субъективным особенностям коллективов, групп, сообществ, становится все более очевидным. Однако характер образования большинства работников сферы управления до сих пор остается технократическим. Так не стоит ли в сфере управления отдавать предпочтение людям с “гуманитарным стилем мышления”? Имеют место примеры, особенно частые в США, когда крупными заводами успешно руководят люди без технического образования, но зато специалисты по “человеческим отношениям”. Это свидетельствует о ценности гуманитарного образования. Однако гуманитарное образование само по себе не предопределяет гуманитарного стиля мышления в рассмотренном выше значении этого слова: “Чисто” гуманитарный стиль мышления в руководстве хозяйством привел бы к извращениям не менее опасным; правда, у нас еще не появилось слова, аналогичного “технократизму”, для обозначения этой крайности.

Как видим, нельзя связывать специфику “нового мышления”, требующегося для успешного руководства социально-экономическим развитием, с противоположностью естественно-научного и гуманитарного мышления. Ни тот, ни другой стиль не могут быть характеристикой нового мышления.

Так что же может быть такой характеристикой? Этот риторический вопрос означает, что авторы, закончив критику, намерены переходить к положительной части своей статьи. Попробуем это сделать вместе с читателем. Пусть он обратит внимание на то, каким образом аргументируют необходимость нового мышления инициаторы перестройки.

Вот как говорит об этом М.С.Горбачев: “С тех пор мир так усложнился (подчеркнуто нами. — Л.С., А.У.). Формирование нового мышления требует живого общения не только с единомышленниками, но и с людьми, представляющими иные взгляды, отличающиеся от наших и философски, и политически”¹. Ранее у нас “недооцени-

¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — С. 156.

вался не только сам факт сложности (подчеркнуто нами. — Л.С., А.У.) общества, многообразия неизбежных интересов, необходимость их сочетания и согласования. Еще более недопонималась их жизненная необходимость для развития, для того, чтобы общество шло вперед, преодолевая свои собственные противоречия”¹.

Новое мышление здесь связывается с необходимостью учета этой сложности. Многократно, особенно в выступлениях М.С.Горбачева, подчеркивается и другой момент — возрастание целостности современного мира.

Сложность и целостность, в отличие, скажем, от производительности труда или уровня жизни, являются *общесистемными параметрами*. Для того чтобы разобраться в сложности и целостности объекта, необходимо этот объект представить как некоторую *систему*. Иными словами использование этих терминов предполагает *системный подход*. Это очевидно даже тогда, когда человек, не знающий этих терминов, описывает системные параметры объекта — подобно тому как Журден не знал, что говорит прозой.

Системный подход широко применяется и в тех работах, в которых сущность нового мышления пытаются выявить с позиций диалектической логики. Так, в главе 3 цитированной выше работы², озаглавленной “Категории “противоречие” в системе нового мышления”, говорится: “Противоречие является одним из видов взаимодействия, в процессе которого взаимодействующие *системы* (подчеркнуто нами. — Л.С., А.У.), находясь в единстве, противодействуют друг другу. При этом сторонами противоречия могут быть как *системы в целом* (подчеркнуто нами. — Л.С., А.У.), так и их отдельные свойства, грани, *функции, подсистемы, элементы* (подчеркнуто нами. — Л.С., А.У.)”. И далее анализ противоречия дается в терминах системного подхода. Вот это и есть *новое*, а не сама диалектика, о которой прежде писали вне всякой связи с системным подходом.

Можно было бы говорить о системной диалектике. Однако есть мнение, что системный подход вовсе не является диалектикой, во всяком случае диалектикой в традиционном смысле. “Между диалектикой с ее представлениями о развитии на базе единства и борьбы противоположностей и системным подходом, системным мышлением в целом существует внутреннее напряжение, по сути дела противоречие, на которое давно уже указывает западная философская критика. В нашей же литературе, что называется, с порога отбрасывается всякая мысль о возможности какого-либо несоответствия между

¹ Яковлев А.Н. Реализм — земля перестройки // Избранные выступления и статьи. — М., 1990. — С. 375.

² Диалектическая сущность нового мышления. — С. 61 — 62.

ними; диалектика обычно и рассматривается в качестве философско-методологической базы системных исследований. Думается, что это все же не вполне строгий, а скорее поспешный вывод. Диалектика в ее классической форме такой вполне адекватной основой выступать не может, и данное обстоятельство лишь подчеркивает историческую ограниченность этой формы диалектики¹.

Недостаток этого и других подобных рассуждений, с нашей точки зрения, заключается в том, что диалектика “в классической форме” рассматривается как нечто целостное. На самом деле в ней есть разнородные пласты — принципы развития и связи, идущие еще от древнегреческих философов; законы диалектики, идущие от Гегеля; отдельные положения классиков марксизма, — в том числе из таких трудов, которые не публиковались при их жизни; кое-что из науки прошлого и настоящего. До сих пор это не приведено в единую, целостную систему. Когда наши системологи говорили о диалектике как методологической базе системных исследований, то имели в виду прежде всего принцип всеобщей взаимосвязи (гепотезе которого никак не связано с историческими судьбами закона единства и борьбы противоположностей). И этот принцип действительно является исходной методологической базой системного подхода, хотя системный подход ни в коей мере к нему не сводится.

Что же касается единства противоположностей, то этот закон находит применение к категориальным оппозициям, лежащим в основе общесистемной теории. Эти оппозиции имеют такой же характер, как и оппозиции категорий диалектики, благодаря чему любой объект является одновременно системой и не системой в зависимости от того, какой именно системный концепт рассматривается².

Существуют различные понимания системного подхода и его отношения к системным теориям. Не рассматривая здесь дискуссию по этому вопросу, отошлем к литературе³. Есть разногласия и в трактовке того, что может быть названо системным стилем мышления⁴.

¹ Алтухов В.Л. О становлении новой формы диалектики // Философские науки. — 1990. — № 2. — С. 27.

² Подробнее см.: Уемов А.И. Системный анализ как одно из направлений опосредованного применения диалектики в научном познании // Диалектика и системный анализ. — М., 1986. — С. 61 — 70.

³ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Происхождение и сущность системного подхода. — М., 1973; Садовский В.И. Основания общей теории систем. — М., 1974; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. — М., 1978; Система. Симметрия. Гармония. — М., 1988.

⁴ См., например: Новик И.Б. Диалектика и особенности системного стиля мышления // Диалектика и системный анализ. — С. 46 — 53.

Нам представляется, что наиболее существенной чертой такого стиля является движение мысли не “снизу — вверх”, то есть от конкретных объектов к установлению их свойств и отношений между ними, а наоборот, “сверху — вниз”, от первоначально заданного концепта (свойства или отношения) к соответствующей этому концепту структуре и далее к тем объектам, которые полученную структуру реализуют. (Из этого, кстати, вовсе не следует, что правильное мышление обязательно должно быть системным. В определенных условиях движение мысли от конкретных предметов к свойствам и отношениям между ними может быть вполне правомерным).

Кроме того, сказанное пока еще не выявляет соотношения между системным подходом и новым мышлением. Системный подход применялся задолго до возникновения нового мышления. Организация и функционирование ГУЛАГа в известном смысле является образцом системного стиля мышления. Четко фиксировался концепт — обеспечение гигантских строек почти бесплатной рабочей силой. Под этот концепт создавалась соответствующая структура и подбирались субстрат — достаточное количество заключенных, чтобы обеспечить реализацию концепта. Системный подход просматривался и в уничтожении оппозиции, и в воспитании широчайших масс в таком духе, что многие “воспитанники” до сих пор с энтузиазмом вспоминают времена ГУЛАГа.

Поэтому системный подход — сам по себе — еще не приводит к появлению “нового мышления”. Мыслить по-новому заставили обстоятельства, адекватное выражение которых возможно с помощью категориального аппарата системного подхода.

Были времена, когда командно-административная система могла господствовать, не чувствуя никакой потребности в “новом мышлении”. “Я воспитан этой системой. И все было пропитано административно-командными методами руководства, соответственно вел так себя и я. Проводил ли какие-то совещания, вел ли бюро, делал ли доклады на пленуме — все это выливалось в твердый напор, натиск, давление. В то время эти методы давали свой результат, тем более, если руководитель обладал определенными волевыми качествами”¹.

Такой результат был возможен потому, что социально-экономическая система, которой управляли, была относительно простой. Упрощение было делом предшествующих десятилетий. Оно было получено за счет ликвидации старой интеллигенции, за счет коллективизации, за счет ГУЛАГа, за счет унификации образования, за

¹ Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. — М., 1990. — С. 37.

счет стандартизации всех типов и видов. В результате всего этого была создана система, которая "подавлялась управлению".

Простая система достаточно эффективна при "жестокое" стилей руководства. Для достижения желаемого результата здесь нужны прежде всего настойчивость, четкость, энергия в реализации решений, принятых на верхних этажах системы управления. От низших уровней требуется прежде всего не инициатива, а исполнительность. Инициатива может нарушить план действий, привести к возникновению неконтролируемых явлений. Идеалом является наиболее полная управляемость системы. Если обнаруживается, что система в чем-то не управляема, это рассматривается как большой порок, который подлежит немедленному устранению. В принципиальной устранимости подобных пороков управленцы вполне уверены. Если же в этом плане что-то не получается, то это объясняется недостаточной радикальностью принимаемых мер, недостаточно развитым аппаратом управления.

И тем не менее, несмотря на то, что число управленцев достигало фантастической цифры, "постепенно чувствовалось: все больше и больше вроде бы хороших и правильных постановлений бюро при контроле оказывалось невыполненными, все чаще и чаще слово, данное первым секретарем райкома, горкома партии, председателем исполкома, хозяйственными руководителями, оказывается невыполненным. Система явно начинала давать сбои"¹.

Развитие можно затормозить. Можно на какой-то период добиться деградации. Но нельзя пустить развитие вспять, чтобы система сама собой переходила от высшей, более сложной стадии развития к низшей — более простой. Такое происходит лишь после смерти системы.

Пока система не умерла, в ней происходят спонтанные процессы, связанные с ростом сложности. Научно-технический прогресс неизбежно приводит к усилению влияния новой интеллигенции. Появляются творческие личности с их свободомыслием и свободолобием. От тех средств борьбы с ними, которые широко применялись в прежние времена, приходится отказываться. Мощным стимулом роста сложности становится общение с "заграницей". Наши и зарубежные туристы подрывают единомыслие, создаваемое воспитательным процессом в школе. И даже путешествующие на танках становятся более разнообразными. Наряду с официально признанной экономикой появляется теневая. Все это делает социально-экономическую систему общества все более и более сложной. Этот факт и

¹ Там же.

был признан М.С.Горбачевым и А.Н.Яковлевым, о чем свидетельствуют приведенные выше цитаты.

Именно сложность управляемой системы приводит к тем сбоям в управлении, о которых говорит Б.Ельцин. Сложные системы обладают одной очень неприятной особенностью. Большой специалист по таким системам американский системолог Дж.Форрестер формулирует ее так: "стало ясно, что поведение сложной системы находится в противоречии с нашими интуитивными представлениями об этих системах... Сложные системы очень коварны и запутанны в своем поведении в отличие от простых систем, на которых основан наш опыт"¹.

Управляющее воздействие на сложную систему зачастую приводит к результатам, противоположным ожидаемым. Поэтому говорят о "нетерпимости к управлению" как характерной черте сложной системы². Это не значит, что сложной системой нельзя управлять вообще. Однако управление ею должно иметь совершенно иной характер, чем управление простой системой. Стиль мышления, весьма эффективный в процессе управления простыми системами, совершенно не годится для управления сложными. Это воспринимается как "контринтуитивность" сложных систем. Такая контринтуитивность может быть понята как несоответствие стиля мышления управляющих характеру управляемой системы. Указанное несоответствие может привести к катастрофическим последствиям, о которых давно предупреждали наиболее квалифицированные экономисты.

Катастрофу можно предупредить двумя способами. Первый — перестроить систему в соответствии с характером мышления, то есть попытаться вновь упростить ее так, чтобы стали эффективными прежние командно-административные методы управления. Сторонников такого пути очень много. Однако имеет место и понимание того, что в современных условиях этот путь был бы чрезвычайно трудным. Потребовался бы новый, еще более емкий ГУЛАГ, усовершенствованный "железный занавес" и т.п. Главное — мало кто сейчас поверил бы, что, идя уже пройденным путем, на этот раз мы попадем все-таки в рай. Для всех очевидно, что наша система в этом случае была бы обречена на все более глубокую стагнацию и отставание уже не от передовых, а от все более отсталых стран.

Другой путь — перестроить мышление в соответствии с характером управляемой системы. Таким образом и возникает "новое мышление". С теоретико-системной точки зрения новое мышление — не что иное,

¹ Форрестер Дж. Динамика развития города. — М., 1974. — С. 118, 121.

² Растригин Л.А. Адаптация сложных систем. — Рига, 1981. — С. 46.

как мышление, учитывающее значения системных параметров прежде всего параметра сложности. В рамках нового мышления стремление все подчинить управляющему воздействию, идущему сверху уступает место стремлению опереться на процессы самоорганизации самоуправления, которые неизбежно развиваются в достаточно сложной системе. Они связаны с наиболее глубинными, наиболее существенными чертами развивающейся сложной системы, поэтому по эффективности намного превосходят любое воздействие извне.

В рамках системного мышления можно выделить, по крайней мере два стиля, один из которых связан с простыми системами, а другой — со сложными. Хорошим примером противопоставления этих стилей является толстовская антитеза Наполеон — Кутузов. Разумеется здесь имеются в виду Наполеон и Кутузов как литературные герои а не исторические личности.

Рост сложности, естественно, не является единственным теоретико-системным показателем, характеризующим развитие системы. Кроме сложности, существенную роль играет другой атрибутивный линейный параметр — целостность системы. В процессе развития экономика становится все более целостной системой, все уровни и подсистемы которой теснейшим образом зависят друг от друга. Стиль мышления апеллирующий к экономике, больше похожей на популяцию или вид — то есть нецелостной, дискретной системе, — не соответствует более новым условиям, когда экономика скорее похожа на организм.

Низкий уровень целостности системы порождает стремление к количественным показателям. Считается, что чем больше, тем лучше. Отсюда — лозунг перевыполнения планов. И это вполне оправданно, когда перевыполняющие план предприятия функционируют независимо друг от друга. Иная ситуация будет в случае тесной связи между ними. Здесь главным критерием оценки становятся надежность, гармония, соразмерность, качество, а не количество само по себе. Более того, количественное перевыполнение плана в иных случаях может оказаться столь же вредным, сколь и его невыполнение. Рост целостности характеризует экономику не только нашей страны, но и всего мира. В свое время каждый мог идти своим путем, не обращая внимания на других. Теперь экономическое и социальное развитие в отдельном регионе нашей страны оказывается все более связанным с тем, что происходит в весьма отдаленных уголках нашей планеты. Мало того, связи, скажем, между Тюменью и Западной Европой оказываются более тесными, чем между Тюменью и, скажем, Якутией.

Борьба за новое мышление, первоначально начатая сверху, могла быть успешной только при условии достаточно широкой поддержки снизу.

В свое время попытки Н.С.Хрущева мыслить по-новому не удалось

не только потому, что его окружение еще могло управлять, мысля по-старому, но и потому, что массы по-прежнему оставались посторонними статистами в его реформах. Сейчас — иное положение: и верхи не могут, и низы не хотят. Революция в мышлении, так же как и в конце XVIII в. во Франции, у нас оказалась прелюдией к революции социальной. Дело в том, что старая командно-административная система управления породила многочисленный слой командиров-администраторов, которые хоть уже не могут, но все же хотят управлять по-старому. Социальная революция как раз и направлена на то, чтобы отобрать у них власть, заменив ее самоорганизацией и самоуправлением. Поэтому эта революция по своему характеру является демократической. Если считать, что предшествующий строй был разновидностью феодализма, то наша революция может быть названа даже буржуазно-демократической.

Темпы этой революции первоначально были весьма замедленными: массы хотя и не хотели, но все же еще могли жить по-старому. С течением времени возможности такой жизни все более и более ограничиваются, и темпы преобразований возрастают.

Борьба со старой системой управления и ее сторонниками началась под флагом борьбы с бюрократизмом. Первая “антибюрократическая” конференция прошла в 1987 г.¹ С тех пор опубликовано большое количество работ по проблеме бюрократизма, среди которых нельзя не отметить фундаментальный труд Р.И.Хасбулатова². Существуют разные подходы к борьбе с бюрократизмом. В некоторых случаях доминирует нравственно-психологический аспект: бюрократы — плохие люди. Но парадокс в том, что больше всего беды от бюрократов “хороших” — то есть от трудолюбивых людей, которые, не щадя своего здоровья, работают день и ночь, чтобы ничего не упустить в подведомственной им области и соблюсти все законы и распоряжения вышестоящих. В теоретико-системном плане бюрократизм представляет собой стремление управлять сложной системой так, как управляют простой. Это обстоятельство, с учетом действия закона Паркинсона и принципа необходимого разнообразия Эшби, дает возможность объяснить все видимые простым глазом и столь раздражающие нас проявления бюрократизма³.

На первом этапе революции, называемом перестройкой, все были хотя бы на словах за нее. Но понимали по-своему. Бюрократия считала так: “Суть перестройки в том, чтобы каждый хорошо работал

¹ Подробнее см.: Прилюк Ю.Д. Перша “антибюрократична” конференція // Філософська думка. — 1987. — № 6. — С. 24 — 35; 1988. — № 1. — С. 11 — 24; № 2. — С. 3 — 6; № 3. — С. 3 — 16.

² Хасбулатов Р.И. Бюрократия тоже наш враг. — М., 1989.

³ Подробнее см.: Плесский Б.В., Уемов А.И. Бюрократизм: теоретико-системные аспекты // Філософські науки. — 1989. — № 5. — С. 3 — 10.

на своем рабочем месте”¹. Но это то же самое, как если бы реформа 1861 года была заменена призывом всем хорошо работать: крестьянам хорошо работать на полях на барина, а барину хорошо заботиться о добродетелях крестьянина и в случае чего по-отечески наказывать его на конюшне.

Это не столь уж отдаленная аналогия, с той лишь разницей, что если раньше у крестьянина было одно рабочее место — в поле, то ныне за горожанином, судя по высказываниям Союзного премьер-министра В.Павлова, закрепляется два рабочих места — в городе и в поле.

Наряду со сложностью и целостностью как линейными системными параметрами сегодняшняя политическая борьба обнаруживает еще один атрибутивный параметр систем — *центрированность*. Этот параметр имеет два значения: системы могут быть либо *центрированными*, либо нет. Центрированными являются такие системы, отношения между элементами которых опосредуются через отношения к некоторому выделенному элементу, называемому “центром”². Если взять существующий в настоящее время Союз как систему, состоящую из союзных республик, то она является центрированной именно в указанном смысле. Наглядный пример того, как это конкретно проявляется, приводит президент Узбекистана И.А.Каримов: “Сейчас мы левой рукой чешем правое ухо. Зерно, которое к нам можно привезти из Казахстана в обмен на наше сырье, к нам завозят из пяти точек. Зачем? Да потому, что Госплану это нужно. Он сидит в кабинете и говорит: немножко возьмешь с Украины, немножко с Алтая, немножко из Казахстана”³. Госплан — одно из звеньев бюрократической системы. Он опосредует отношения между республиками. То же самое делают и другие высшие звенья государственного бюрократического аппарата — союзные министерства, ведомства, комитеты. Бюрократическая система стремится именно к центрированной системе управления, в центре которой будет она сама. Так обеспечивается ее значимость, ее возможности управлять. А зачем Госплан тогда нужен, спрашивает И.Каримов, если он не будет в центре, “если все произойдет по естественным законам”? То же относится и ко всем другим общесоюзным учреждениям. Они необходимы наиболее мощной в настоящее время общесоюзной бюрократии.

А может ли Союз существовать в качестве нецентрированной системы? Если взять экономику, то для всего мира типичны именно

¹ Цит. по: Семенов Е.В. Веричи “старого” мышления // Философия и ее место в культуре. — Новосибирск, 1990. — С. 30 — 38.

² Проблемы формального анализа систем. — М., 1968. — С. 31.

³ Каримов И. Нас учили прыгать через капитализм // Комсомольская правда. — 1991. — 7 марта.

нецентрированные в указанном смысле системы. Разве отношения между Техасом и Висконсином опосредуются Вашингтоном? Разве для того чтобы обменять шампанское Шампани на коньяк Лангедока нужно запрашивать Париж?

Бюрократия говорит: если не будет “сильного центра”, все развалится на удельные княжества. Но разве каждая республика, будучи вполне самостоятельной, не установит все те экономические, социальные, политические связи с другими республиками, которые ей нужны? И разве в результате мы не получим систему более целостную, более надежную чем центрированная система, если это “произойдет по естественным законам”, то есть по законам саморазвития? Можно доказать, как теореме системного анализа, что центрированность снижает сложность системы¹. Это означает, что внедрение центрированной системы управления приводит к усилению противоречия между уровнем сложности союзной системы управления и уровнем сложности управляемой системы, состоящей из республик со всеми отношениями между ними.

Реальной альтернативой в настоящее время являются не Союз и не-Союз, а разные — центрированный и нецентрированный — пути устройства Союза. Бюрократия, как отмечал еще К.Маркс, свой интерес отождествляет с государственным². Поэтому она отождествляет вопрос о сохранении Союза с вопросом о сохранении власти союзной бюрократии. Этого в большинстве случаев не поняли те, кто ответил “да” на вопрос союзного референдума 17.03.91 г.

Противопоставляя “новое мышление” старому и связывая его с диалектической логикой либо с проникновением ценностей и методов гуманитарного знания в другие области науки, приходится признать, что ни то, ни другое не составляет исторической специфики данного феномена. Однако мы убедились, что его своеобразие и механизм его возникновения могут быть адекватно описаны в терминах системного подхода. Изменение таких системных параметров общественной жизни, как сложность и целостность, а также тенденция к преодолению жесткой центрированности социума, или иными словами, демократизация, настоятельно требуют изменения характера управляющего воздействия. Именно это обуславливает необходимость в ином стиле мышления, в первую очередь — субъекта управления. В нашей стране эти процессы получили название “перестройка”.

¹ Подробнее см.: Уемов А.И., Плесский Б.В. До проблемы параметричної оцінки структурно-субстратної складності системи // Філософ. проблеми сучасного природознавства. — 1974. — № 39. — С. 3 — 11.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. — Т. 1. — С. 271.